

## Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

### Проявления хейзинга в царской армии

*Дорохина Римма Викторовна*

*Соискатель*

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский*

*факультет, Воронеж, Россия*

*E-mail: rimma-vd@mail.ru*

В наши дни средства массовой информации уделяют много внимания явлению хейзинга, армейский вариант которого представляет собой пресловутая «дедовщина» (на флоте «годковщина»). Под данным видом неуставных отношений подразумевается унижение старшими по сроку службы солдатами и курсантами более младших. Аналогичные явления отмечены в американской и британской армиях, а так же в израильских вооружённых силах. Сам термин «хейзинг» означает «злое подшучивание» или, попросту говоря, третирование младших старшими. Это явление имеет место и в гражданской жизни (например, в некоторых высших учебных заведениях), но самое яркое выражение оно получило именно в казарменной среде. При этом многие эксперты склонны полагать, что хейзинг – современная проблема, не имеющая аналогов в прошлом. Так ли это и всегда ли хейзинг вреден, мы попытаемся установить в данной статье.

Вопреки сложившемуся мнению, что «дедовщина» - удел рядового и сержантского состава вооружённых сил, мемуары многих русских офицеров начала XX века отмечают, что настоящим рассадником этого явления были военные училища. Сто лет назад этот феномен именовался термином «цук», и в ряде мемуаров он получил достаточное освещение для того, чтобы наглядно представить «дедовщину» конца XIX – начала XX вв. Вот как описывает неофициальные отношения в Нижегородском кадетском корпусе А.И. Спиридович: «Повиновение старшим кадетам было беспрекословное. Старшие этим не злоупотребляли, но тяжёлая рука семиклассника частенько опускалась на младших по разным поводам. (...) Начальство знало об этих наших обычаях, но не вмешивалось в них. Они (обычай – Р.Д.) регулировали нашу общественную жизнь, служили хорошей цели, хотя бывали и грубыми» [Спиридович: 18]. Похожие порядки описывает в своих мемуарах белогвардейский офицер С. И. Мамонтов: «Цука у нас почти не было, хоть мы относились с почтением к старшим юнкерам. Когда мы стали старшими, то я раз цукнул молодого юнкера, не уступившего места в трамвае раненному офицеру» [Мамонтов: 8]. То есть выпускники кадетских корпусов и юнкерских училищ вскользь упоминают «дедовщину», но относятся к ней как к чему-то мелкому и не стоящему внимания. Едва ли можно представить себе, чтобы так отзывался о своей армейской службе современный «дембель». А вот будущий атаман Г.М. Семёнов, вспоминая годы, проведённые в Оренбургском казачьем военном училище, отрицает наличие хейзинга: «В Оренбургском училище, как и вообще у казаков, между юнкерами разных классов существовали чисто дружеские отношения, и то своеобразное явление, которое наблюдалось в иных, преимущественно кавалерийских, училищах и которое было известно под названием «цук», никогда у нас не наблюдалось. Традиционно казачий характер взаимоотношений юнкеров между собою исключал возникновение цука в училище, в котором воспитывались представители всех казачьих войск, кроме Донского» [Семёнов: 15]. С точки зрения наших дней обстановка в казачьем военном училище

должна была осложняться «национальным вопросом», должны были возникнуть «землячества» и т.д. Легко представить себе стычки между терскими казаками-староверами, исповедующими принцип кровной мести, с забайкальскими казаками, живущими по совершенно иным понятиям. Но ничего этого не было! Уже потом, в эмиграции Г.М. Семёнов с теплотой вспоминал о своих однокашниках по Оренбургу.

Таким образом, мы установили, что в дореволюционной России феномен хейзинга всё же имел место, хотя, возможно, и без современного размаха. Но, если механизмы травли старших младшими функционировали, не было или почти не было пострадавших от «дедовщины»? Почему не было жалоб и кампаний в прессе? Более того, А.И. Спиридович полагал, что цук – незаменимый инструмент для товарищеской спайки коллектива: «Каждый класс жил своей жизнью, своими интересами. Товарищество спаивало класс. Можно было быть умным или глупым, прилежным или ленивым, храбрым или трусоватым, но нельзя было быть плохим товарищем. Решение класса являлось обязательным для каждого кадета»[Спиридович: 17]. По мнению будущего офицера царской спецслужбы, грозы революционеров, третированию подвергались не младшие или слабые, а «отступники», те, кто «предал» товарищество. И, следует признать, подобные отношения поддерживали порядок и взаимное доверие в военных коллективах более надёжно, чем официальный репрессивный аппарат начальства. Именно товарищество, а не страх, было залогом офицерской чести. Молодой офицер не боялся ни бедности, ни возможной гибели. Потому что всегда полагался на своих товарищей. Но он не считал возможным уронить себя в их глазах, то есть «выпасть» из товарищества. Поэтому сослуживцы во многом могли положиться на него.

Но в современных военных училищах и воинских частях «дедовщина» присутствует тоже, но она почему-то действует теперь наоборот: не позволяет сложиться настоящему товариществу. Думается, хейзинг в казарменной обстановке представляет собой метод, который можно использовать для достижения самых различных целей. Можно при помощи этого средства сплачивать коллектив, а можно преследовать индивидуалистические цели конкретного старослужащего (к примеру, обогащения или мужеложства, как это бывает в наши дни). Думается, что всё дело не в том, что применяется, а кем применяется, с какой целью применяется. И сразу же становится ясно, что царский юнкер, обычно дворянин или казак, имел несколько иные цели, нежели современный солдат-призывник, зачастую с уголовным прошлым.

### **Литература**

1. Мамонтов С. И. Походы и кони. М., 2007.
2. Семёнов Г. М. О себе. М., 2002.
3. Спиридович А. И. Записки жандарма. М., 1991.